

ПРО ОДИНОКОГО МОРЯКА

Спущен флаг Конфедерации,
И часовой ушел.
Индейцы дымят табаком в резервации.
И выходит на мол
Моряк, что пил полторы недели,
Забыл имена кораблей.
Смотрит куда-то, но видит лишь мели
В жизни пустой своей.
Видит он пляж опустевший, темный.
Некогда конквистадор
Шел по песку, и шумели волны;
Затем ирландский боксер
Кулаки омывал в прибое
(Мафия шла за ним).
Улицы, вывески, запах крови,
А далее – дым, лишь дым,
Дым в закусочных возле моря,
Где шумно – сидят, галдят,
Клерк пробегает мимо, и вскоре
Клерк попадает в ад.
В ад попадает его секретарша,
В ад попадает босс.
Мир больше не станет старше –
Словно дым папирос,
Что курят индейцы у древней секвойи, –
Мир растворился, ушел.
Только моряк сохранился в запое
И вышел один на мол.

РОЗОВОЕ И СИНЕЕ

Хочется думать о розовом,
О розовом, бледно-синем.
О солдатах, что оловом
Затвердели и ныне
На столе бытовуют,
Ждут победные горны.
Ласточки грозы чуют
И летают проворно
За окном – сущно малы,

Но небесно велики.
Проступают пожары –
То заревые лики:
Праведники, что грозно
Зрят, но милуют ныне
Мир – тот, что бледно-розов,
Бледно-розов и синий.

ШИНЕЛЬ НОЯБРЯ

Ноябрь тебя прикроет шинелью –
Он добрый, но только игуменно-строгий.
И поведет тебя к новоселью
По мокрому снегу, раскисшей дороге.
Ты увидишь вдали полустанки,
Там нет поездов, поезда запоздали.
Справа и слева светлеют ушанки –
Нимбы солдат на иконах из стали.
Ноябрь – он хром, он ефрейтор на Шипке,
Идущий в метель, и вокруг все спокойно.
А горизонты порвались, как нитки,
Раненым больно – и больше не больно.
Сядет к костру, где поджарились рыбы,
Сядешь и ты – то привал, ненадолго,
Видя созвездья – огромные глыбы,
Айсберги звезд рядом с полюсом Бога.

ЯСНЫЙ ДЕНЬ

Я вижу рыб, текущих в глубине –
Сё дали птиц, летящих между нами.
И тает грех, оставленный вовне,
И праведность – мосты между сердцами.
И где-то дождь, он плачет и поет,
И женщина, в одежде черно-белой,
Встречает славословием восход,
И в тишине закаты, между делом.
Все фабрики полны, но ждут солдат,
Которые за далью исчезают.
И слова нет, и немощен закат,
И в славе утра зори воскресают.
Но рыб и птиц неодолимый путь,
И этот дождь, что треплет старый ставень, –
Господь при них: и расточает жуть.
И ясен день, хоть горек и печален.